

что осталось, вполне достаточно для суждения о великом богатстве и разнообразии нашей древней культуры.

В заключение благодарим авторский коллектив за составление столь нужного и полезного издания. С нетерпением будем ждать появления последующих томов Сводного каталога, в которых с такой же тщательностью будут описаны важнейшие памятники XIV и XV вв.

Мещерский Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 1-е изд. СПб., 1866; 2-е изд. СПб., 1882.
2. Тихомиров М. И. О Сводном каталоге уникальных рукописей. — Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972, с. 368.
3. Жуковская Л. П. Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей. — ВЯ, 1969, № 1.
4. Жуковская Л. П. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР. — Советское славяноведение, 1969, № 4.
5. Жуковская Л. П. Работа над Сводным каталогом славяно-русских рукописей и некоторые вопросы методики их описания. — Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974.
6. Жуковская Л. П. Работа по подготовке славяно-русского выпуска Сводного каталога рукописей и инструкции по его составлению. — Археографический ежегодник, за 1975 г. М., 1976.
7. Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Сост. Жуковская Л. П. и Шеламанова И. Б. — Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976.
8. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973.
9. Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. Ч. 1—2. М., 1976.
10. Розов Н. Н. «Остромирово евангелие» в Публичной библиотеке (150 лет хранения и изучения). — Труды ГПБ, 1958, т. V (8).
11. Жуковская Л. П. Юбилей Остромирова евангелия. — ВЯ, 1957, № 5.
12. Изборник Святослава 1073 г. Сб. статей. М., 1977.
13. Иванова Т. А. Методические указания к анализу текста Синайского патерика. Л., 1984.
14. Петрова Л. Я. Лингвотекстологическое исследование рукописи XI в. Слов Григория Богослова (ГПБ, Ф. п. 1, 16, XI в.); Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1985.
15. Повесть временных лет. Под ред. Афанасовой-Перетц В. П. Ч. 1. М. — Л., 1950, с. 102.

Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). Томск: Изд-во Томского ун-та. I (А—О), 1982. 268 с.; II (П—Я), 1983. 370 с.

Деривационная лексикография (дериватография) пополнилась еще одним типом словаря. Это двухтомный «Мотивационный диалектный словарь» (МДС), составленный на базе говоров Среднего Приобья коллективом составителей из пяти вузов Западной Сибири — Томского, Кемеровского, Алтайского, Омского университетов и Томского педагогического института (под ред. О. И. Блиновой).

МДС — словарь нового типа, отражающий сложные и разнообразные мотивационные отношения слов, реализуемые в системе русского словообразования. Он открывает широкие перспективы для исследования явления мотивированности на разных языковых уровнях. Появление этого словаря еще раз подтверждает правильность выводов, сделанных на Всесоюзной конференции 1984 г. в Вороново (Московская обл.), посвященной современному проблеме изучения лексики и развития национальной лексикографии, где отмечалось, что лексикография, превращаясь в исследовательскую область языковедения, что постепенно снимается противопоставление между практической лексикографией и теоретиче-

ской лексикологией. Словари разных типов становятся объектом теоретического анализа, возрастает их роль в лингвистической науке [1].

Рецензируемый словарь углубляет теорию мотивированности слова, обращаясь на новом материале к понятию мотивированности и мотиватора слова, мотивационного значения, статуса мотивационных отношений.

Мотивированность лексики, относясь к числу лингвистических универсалий, проявляется в разной мере в языках различной типологии. Русский язык, обладая высоким словообразовательным потенциалом (на одно производящее слово приходится приблизительно 10 производных), относится к числу высокомотивированных языков. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова [2], из 145 тыс. слов только 5497 составляют словоодиночки, «не гнзздующисяс» слова. Именно от их количества в словарном составе языка существенно зависит степень мотивированности языка в целом. [Хотя такие слова, как *лес*, *кошар*, возглавляющие словообразовательные гнезда (СГ), вряд ли целесообразно рассматривать

в одном ряду с одиночными непроезными словами, не образующими СГ. Материалы рецензируемого словаря еще раз подтверждают, что в словарном составе русского языка преобладают слова мотивированные. Актуализация мотивированных отношений слов функционально значима, сопряжена важным лексикологическим характеристикам слова: лексическому значению, эмоциональности и экспрессивности, стилистической маркированности, вариантным модификациям слова и т. п. Все это позволяет рассматривать «Мотивационный диалектный словарь» как тип системного словаря, отражающего гетерогенный характер языковой системы. Создание словаря потребовало разработки специального понятийного аппарата. Мотивированность слова понимается составителями как структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его соотносительности с однокорневыми и одноструктурными единицами (МДС. с. 8). Это определение обуславливает включение лексических и структурных мотиваторов. Отношения мотивированного слова с однокорневым словом — это отношения лексической мотивации, а соотносимая однокорневая единица — это лексический мотиватор (ЛМ); отношения с одноструктурным словом — это отношения структурной мотивации, а соотносимая структурная единица — структурный мотиватор (СМ). Вычленение двух типов мотиваторов показывает, что мотивированность слова не возникает из отношения его к другим словам, а лишь обнаруживается, проявляется в таком отношении.

Слова, обладающие лексической и структурной мотивированностью, являются мотивированными, например: *лижник, черника, жатва, земляника, картошка* и мн. др. Слова, характеризующиеся частичной мотивированностью — лексической или структурной, — являются полумотивированными; *снегирь* — ЛМ; *малина* — СМ. Следовало указать при первом же упоминании (с. 9), что имеется в виду словарная статья *Малина*¹ со значением «Ягодный кустарник со сладкими, обычно красными плодами» (с. 193), ибо «Малина»²... — ягода малины имеет и лексический, и структурный мотиваторы.

Мотивированные слова соотносятся с производными, а полумотивированные — с членимыми словами. Немотивированные слова не имеют лексической и словообразовательной мотивации, например: *кошар, лес*. Но в то же время следует подчеркнуть, что те из них, которые являются основой словообразовательного гнезда, повышают степень мотивированности языка в целом за счет своих производных.

Рецензируемый словарь включает мотивированные и полумотивированные слова среднеобского диалекта: 976 словарных статей в I томе и 990 словарных статей во II, т. е. всего 1876 словарных статей. Они были отобраны из 17 417 словарных статей в соответствии с принципами отбора. В МДС вошли слова, ха-

рактеризующиеся следующими признаками: а) относительной частотой актуализации мотивационных отношений; б) принадлежностью к общепотребительной лексике говоров Среднего Приобья 40—70 годов XX в.; в) широким ареалом распространения.

Словарная статья МДС состоит из трех частей: заглавного слова (I), его мотивирующих единиц (II), контекстов, иллюстрирующих актуализацию мотивационных отношений заглавного слова (III). Например:

КОСИЛКА, и, ж. Сельскохозяйственная машина для скашивания трав, хлеба; то, чем косят.

ЛМ: косить «срезывать травы, хлеба» (17).

СМ: веялка «то, чем веют» (1), сеелка «то, чем сеют» (1); жатка «то, чем жнут» (2), литовка «то, чем косят» (2), молотылка «то, чем молотят» (3), прылка «то, чем прыдут» (1).

— Через несколько годов стали покупать косилки — траву косить (Ас. Каз.). Ковбайны не было. Ковбайны уж эти года пошли. Косилками косили (Шег. Бат.). Косилками сею косят (Колп. Ст.-Абр.). Дед старый уж, а сидит на машину, и ему дадут косить на косилке, он счас (Кем. Шум.). Косилки с приводом сею косили (Лен.-Куз. Шаб.). Они у меня хорошо косят. Косили косилками, литовками (Пан. Нар.). Веялки были и косилки, косили хлеб (Зыр. Зыр.).

Слово *косилка* — мотивированная единица, поскольку связь значения и звучания его объяснима. Мотивированность слова *косилка* обнаруживается в его соотношении с однокоренным словом *косить* и с одноструктурными образованиями: *веялка* (то, чем веют), *сеелка* (то, чем сеют), *жатка* (то, чем жнут), *литовка* (то, чем косят), *молотылка* (то, чем молотят), *прылка* (то, чем прыдут). Слово *косилка* имеет один лексический мотиватор (*косить*) и шесть структурных мотиваторов (*веялка, сеелка, жатка, литовка, молотылка, прылка*).

Словарь отражает специфику мотивационных отношений каждого заглавного слова. Она проявляется в разном количественном соотношении лексических и структурных мотиваторов, зависит от диапазона их действия в языке, от продуктивности и непродуктивности, регулярности и нерегулярности. Ср. словарные статьи:

КЕДРАЧ, а или у, м. Кедровый лес. ЛМ: кедр (кедр, кедрá, кедрá) (31) и — кедрка (1), кедруха (1); кедровый (28).

СМ: елач «еловый лес» (10), пихтач «пихтовый лес» (58); мейдáч «мейдовый (с крупнослистой древесной) лес» (2).

— Заходим в кедрач и начинаем шишкой. Кто умеет ходить по кедрам, легат на кедр у колотушкой в руках (Пар. Алат.). Когда по кедре ударить, шишки сыпятся. От деревни отойдешь — сразу кедрач (Мар. Подъял.). Кедрач — лес кедровый, там кедры хорошие (В.-Кет. В. Яр.). Грива — на материке, кедрова ля, елова ля. Высоко место — елач стоит, кедрач (Колп. У.-Р.). Был кедрач, пихтач. Даже мешка по два с одной кедря набивали (Зыр. Цыг.). На ела-

ни меньше комаров, а в кедрачи, пихтач зайдешь — там много, как лопатой кидат (Том. Н. Ишт.).

КЕДРОВНИК, а или у, м. Кедровый лес.

ЛМ: кедр (кедер, кедр) (37) и — кедровый (8).

СМ: еловник «еловый лес» (6), пихтовник «пихтовый лес» (7); березник (4), ветельник (2), ельник (1), осинник (1), тальник (3), топольник (1), черемшник (1) — названия леса.

— Кедровник берегли. Так и кричат старшие: «Не трогайте!». Лучше кедр растет на высоком месте, в бору (Колп. Колп.). Кедровник маленький был... На кедр залезай, все кедры вокруг обобьет (Том. Верш.). В кедровых лесах много птицы водится. Много белок бьют в кедровнике (Крас. Иван.). Раньше при слоне били, а теперь не разрешают, говорят, кедровник портится. По кедре ударить — и падат шишка (Колп. К.-М.). Лес здесь всякий: пихтовник, кедровник, ельник (Пар. Чиг.).

Первая часть словарной статьи включает: а) заглавное слово в начальной орфографической форме с указанием ударения. У слов, обычно употребляющихся во множественном числе, исходной избирается форма множественного числа, например: *молочники*, *ов*, *мн.*, *ед. молочник* (съедобные грибы с бархатистой, как мех, шляпкой); б) грамматическую характеристику заглавного слова; в) толкование его лексического значения.

Хотелось бы особо подчеркнуть принятый составителями словаря оптимальный способ толкования слова, содержащий мотивирующие единицы или их дериваты. Например, *веберница*, *м*, *ж.* (курка), дающая ведро молока (сутки).

Вторая часть словарной статьи содержит сведения о мотивирующих единицах: лексических мотивах и структурных мотивах. В числе структурных мотиваторов приводятся и слова одной тематической группы с подобной формально-семантической структурой. Такой подход актуализирует изучение деривационных отношений по тематическим группам слов. Оправданным представляется и выделение данных структурных мотиваторов, учитывающих субморфную структуру слова (*шанка*, *фуражка*, *кепка*).

Очень полезными представляются приведенные в МДС статистические сведения. ЛМ и СМ сопровождаются цифровыми индексами, организующими число зафиксированных случаев актуализации мотивационных отношений по данным карточки МДС. Например: *песня* — словесно-музыкальное произведение для пения. ЛМ: *петь* «исполнять голосом музыкальное произведение» (216) и — *петься* (2), *петьте* (2), *запеть* (*запеться*) (11), *напеть* (1), *подпеть* (2), *попеть* (2), *пропеть* (2), *спеть* (10).

В конце словарной статьи дается содержательный и богатый иллюстративный материал, отражающий актуализацию мотивационных отношений заглавного слова. Это отрывки естественной народно-разговорной (диалектной) речи. Сюда же включены и метакоменты,

выявленные в ходе проведения лингвистического эксперимента и подтверждающие осознание носителями диалекта мотивированности заглавного слова. В контексты следуют в строгой последовательности, подтверждая лексическую и структурную мотивацию. Например:

ОДУВАНЧИК, а или у, м. Растение с желтыми цветками, стеблями и пушстыми семенами, которые разносятся дуновением ветра.

ЛМ: дуть «свять» (2) и — дунуть (2).

СМ: колокольчик (2); багульник (1), бархатник (1), ветренник (1) — названия растений.

— Одуванчики есть. Они белые, дувешь и разлетится. Их еще молочаем зовут... Сначала-то он желтыйкый расцвет, а потом одуванчиком станет (В.-Кет. В.Яр.). У нас раньше ночна красавица, она ночью цвела. Листья у ней были узеньки, продолговаты, а цветочки были примерно как одуванчик, цвует на колокольчик похоже, сиреныйкый цвет (В.-Кет. В.Яр.). Здесь есть на горе одуванчик, когда человек мучается животом, его пьют. Бархатник тоже очень полезный. Багульник на болоте растет от легких (Том. Яр.).

Необходимо сразу же подчеркнуть, что рецензируемый словарь, созданный на местном материале, имеет не только региональное значение: во-первых, потому, что в нем существенный процент составляют слова общерусского лексического фонда; во-вторых, потому, что фиксирует мотивационные связи слов, являющиеся универсальной лингвистической категорией, и, наконец, потому, что обращает внимание на актуализацию мотивационных отношений в разговорной речи.

Все это подчеркивает значимость этого словаря и необходимость создания мотивационного словаря общего типа, построенного на материале современного русского литературного языка и — шире — на материале русского языка вообще: мотивационный словарь типа тезауруса.

Хорошо дополняют словарь высокоинформативные приложения: 1) Частотный мотивационный словарь (говоры Среднего Приобья); 2) Таблицы частотной принадлежности слов-мотиваторов (на материале говоров Среднего Приобья); 3) Типы смысловых связей слов, находящихся в отношении лексической мотивации (на материале говоров Среднего Приобья); 4) Типы смысловых связей слов, находящихся в отношении структурной мотивации (на материале говоров Среднего Приобья).

Высоко оценивая рецензируемый словарь, хотелось бы обратить внимание на некоторые спорные моменты и встречающиеся неточности.

Не везде обоснованным представляется выделение омонимов и лексико-семантических вариантов слова (ЛСВ). Ср., с одной стороны, *старик*¹ и *старик*², с другой стороны — *старича* и *старича*.

СТАРИК¹, а, м. Старый мужчина. ЛМ: старый «достигший старости, ве-

молодой» (36) и — состариться (1); старуха (1).

— Стары старики выдалбливают вселы (Том. Верш.). Он был такой старик, старик шибко (В.-Кет. Мох.). Он старик старый же, он разговористый старик (Пар. Алат.). Волг где-то в горах... Старик живет сто сорок лет. Ты водумай, какой старый, а на песню недавно ушел (Зыр. Зыр). Состарился, его водилл по неделям... Старики тоже объясняют (Пар. Гор.).

— СТАРИК *р, а, м. Немолодой или старый муж.

ЛМ: старый «достигший старости» (10).

СМ: мужик «муж» (2).

— У ей старик старый был (Кож. Кашт.). Старик старый стаёт, где много зарабатат (Крив. Был.). Да старик помер, совсем плохо стало... Да что и говорить, старые люди, они много видели, могут рассказать (Юрг. Ал.). У меня вина-то не было: старик старый, брат в дороге (Том. Браж.).

¹ СТАРИЦА, ы, ж. и СТАРИЦА. Старое русло реки.

ЛМ: старый «прежний, давний» (45).

СМ: прямца «новое прямое русло реки» (5).

— Неводом неводят, рыбачат на старце, старое русло реки таетеся один — два километра (В.-Кет. В. Яр.). Река другу реку проделала, а старца старца осталась (Крив. Крив.). А Кея вот другу путь себе нашла, а старый путь — это старца, она старает (Мар. М. Авт.). Старица — это старая река, брошенная (Пар. В.-Паш.). Старица — как стара. Кея была, где перво воеет — это прямца, а та уже старца остается, на ей стрена нет, вода тихая (В.-Кет. М. Яр.).

² СТАРИЦА, ы, ж. Старая, прошлогодняя трава.

ЛМ: старый «о прошедшем годе» (2).

СМ: голубица (1), душица (1), ежевица (1) — названия растений.

— Старица — старая трава, ее в других деревнях называли обувальной травой (Шег. Марк.). Весной ее выжигают, старину, старую траву, старенина... Душица есть трава, сиченьким светет... Голубицы нет, ежевица не растет (Том. Верш.).

Однако здесь заслуживает внимания попытка определить границы словообразовательной омонимии: считать омонимиями однокоренные слова, имеющие разные словообразовательные значения и относящиеся к разным словообразовательным типам, независимо от того, выражено это структурно или нет. Ср.: *мурвейник* (живище муравев) и *мурвейник* (медведь, который питается мурвями) и т. п.

В некоторых случаях вызывает сомнения подбор лексических мотиваторов. Так, в статье болыница основной ЛМ *болать* в м. *больной*; *болтушка* — ЛМ *болтать* в м. *болтун* (м — и черед., суф. -к-); *вареники* — *варить* в м. *варёный*; *вейка* — *везть* в м. *вейный*; *выбелил* — *белый* в м. *белить*; *взгон* — *гонять* в м. *взгонять* (кстати, глаголы включены в круг ЛМ, но они не даются

как основные мотиваторы); *катанки* — *катать* и — *катаный* (в м. *катаный* и — *катать*) и т. п. В статье *неудобица* ЛМ *неудобный* и — *удобица* в м. *удобица* и — *неудобный*; *неученый* ЛМ: *учить* и — *ученый* в м. *ученый* и *учить*. В статьях *обмолочивать*, *обмолотки* в м. *обмолотить* в качестве лексического мотиватора дан глагол *молотить*. У слова *бодатый* основной лексический мотиватор не *бодать*, а *бодаться*. Глаголы типа *ожербиться*, *ожотиться* *обязаниться*, *отелиться* и т. п. и лексически, и структурно мотивированы бесприставочными образованиями *жербиться*, *котиться*, *лжиться*, *телиться*.

Иногда без жестких правил устанавливается круг лексических мотиваторов. См. статьи *белилка* (*белить* и — *повбеливать*, *побека*), *белить*¹ и *белить*², *гололедница* (*себ* и — *заледенить*, *гололед*), *гребец* (*грести* и — *разгрести*) и т. п.

При многих полимотивированных словах отмечен лишь один ЛМ: *боровик* (ЛМ: *бор*, но не дается *боровой*, хотя второй мотиватор и встречается в иллюстрациях); *земляника* (ЛМ: *земля*; *земляной* отсутствует) и т. п.

В отдельных случаях требуют уточнения толкования слов. Например, прилагательные *бодатый* и *бодуций* оба толкуются одинаково: «Такой, который бодается». При слове *бодуций* приводится СМ: *лягуций* (склонный лягаться). На этом фоне *бодуций* (склонный бодаться). Такая формулировка точнее передает значение прилагательных на -уций (см. определения таких слов в толковых словарях).

Словарь раскрывает семантику заглавных слов, опираясь на их словообразовательную структуру. В связи с этим следовало бы выделить в них формат, с помощью которого они образованы, например: *батрачить*, *белилка*, *белить* и т. д. В случаях множественности мотивации давать все структуры: *байкать* от *бай-бай* и *байкать* от *байка*; *бархатник* от *бархат* и *бархатник* от *бархатный* и т. п. Кстати, явление словообразовательной полимотивированности заслужено обобщено вниманием. Для мотивационного словаря это весьма богатый материал.

Некоторые структурные мотиваторы слишком далеки от заглавного слова по строению или семантике. Ср.: *дочь* — *дочка* и *внук* — *внучка* (в статье *дочка*, во второй паре названия лица м. и ж. пола).

Неточным представляется утверждение, в соответствии с которым мотивационные связи охватывают почти всю лексику языка. Данные о степени мотивации по разным языкам различны. Представляется целесообразным включение в словарь немотивированных слов, дающих СГ.

В целом, несмотря на большой авторский коллектив, составителям удалось достаточно последовательно реализовать принципы, положенные в основу словаря. Особо хочется подчеркнуть, что словарь построен на богатом, квалифицированно систематизированном фактиче-

ском материале современной диалектной речи.

«Мотивационный диалектный словарь» — плодотворный коллективный труд, обогащающий теорию и практику лексикографии, открывающий в ней новые перспективы. Актуальная задача нашего языковедения — создание полного диалектного мотивационного словаря и мотивационного словаря русского литературного языка.

МДС как новый тип системного словаря принесет большую пользу всем лингвистам,

интересующимся проблемами дериватологии.

*Тихонов А. Н., Шеляховская Л. А.,
Лисицина Е. Н.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова А. С., Строкова Г. В. Хронологическая заметка. — ВЯ, 1985, № 2, с. 159.
2. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. М., 1985.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

23—28 сентября 1985 г. в Стамбуле состоялся V Международный тюркологический конгресс, созданный Центром тюркологических исследований при литературном факультете Стамбульского университета. Тюркологические конгрессы проводятся Центром с 1973 г. раз в три года.

Председатель Конгресса — директор Центра тюркологических исследований проф. Али Алпарслан, Генеральный секретарь — доц. Осман Ф. Серткай. В работе Конгресса приняли участие ученые из 22 стран мира, было прочтано 262 доклада.

V Международный тюркологический конгресс был посвящен 1250-летию известной древнетюркской памятника рунической письменности в честь Бильге Кагана и памяти крупного турецкого филолога А. Джафероглу.

Работа Конгресса протекала на двух пленарных заседаниях и в шести секциях: 1) тюркские языки, 2) тюркские литературы, 3) история тюрков, 4) исследования по исламу у тюрков, 5) искусство и история медицины тюрков, 6) тюркская музыка.

Советская делегация, возглавляемая чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишевым, состояла из 12 ученых — представителей Москвы, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Башкирии.

Конгресс продемонстрировал возросший уровень развития тюркологии в мире и ее состояние в отдельных странах. Общение с учеными Турции показало целесообразность проведения каждые два года коллоквиума по актуальным проблемам тюркологии с участием советских и турецких ученых попеременно в Советском Союзе и Турции — крупнейших центрах тюркологических исследований.

С приветствиями к участникам Конгресса обратились его организаторы А. Алпарслан и О. Ф. Серткай, а также ответственные деятели Турецкой республики и Стамбульского университета. Вслед за ними с приветствиями выступили руководители пленарных делегаций.

От имени советской делегации Конгресс приветствовал Э. Р. Тенишев.

На общем пленарном заседании были прочитаны два доклада: проф. Висконянского университета (США) К. Карпат и доц. Стамбульского университета (Турция) М. Сарая «Государственное управление у тюрков, Атаатюрк и труды по тюркологии». Второй доклад был посвящен в основном собственно тюркологическим вопросам — турецкой социологии и турецкому языковедению. Первый доклад содержал представления более широкого характера — проблем тюркологии, в особенности тюркского языковедения в целом. К. Карпат, касаясь состояния тюркологии в Советском Союзе, заявил, что советские ученые занимаются проблемами только отдельных современных народов, оставляя в стороне вопросы общего характера, а это, по мнению докладчика, ведет к разрыву тюркских народов СССР. Отвечая на критику К. Карпата, Э. Р. Тенишев убедительно доказал неправомерность подобного рода утверждений, иллюстрируя свое выступление примерами, свидетельствующими об огромной работе, проводимой не только в области изучения языка, литературы, фольклора, истории, этнографии, искусства отдельных тюркоязычных народов Советского Союза, но и проблем общего характера, актуальных для всех тюркоязычных народов. В СССР уже много лет активно функционирует Советский комитет тюркологов при ОЛЯ АН СССР, координирующий исследовательские работы в области тюркологии в масштабе всей страны и имеющий контакты с зарубежными странами. Большую координационную работу проводит печатный орган Комитета — журнал «Советская тюркология» и организуемая каждые четыре года Комитетом Всесоюзная тюркологическая конференция с участием иностранных ученых. Э. Р. Тенишев выразил надежду, что в будущем будет налажена взаимная информация между советскими и американскими коллегами, чему в ис-